

самыми черными и кровавыми письменама. Всмотритесь, что мы видимъ и слышимъ: семейная жизнь сильно поколеблена, развратъ принимаетъ широкіе размѣры; жалобы на неповиновеніе дѣтей своимъ родителямъ слышались всюду; самоубійство молодыхъ людей и даже дѣвицъ стало самымъ обыкновеннымъ явленіемъ; дождь, обманъ, заботы о своемъ только счастьи, хотя-бы оно было основано и на гибели ближняго, вѣлились въ плоть и кровь нашу; суды пани переполнены тяжбами самыхъ близкихъ кровныхъ родныхъ; распространеніе пьянства въ простомъ народѣ увеличивается ужасно, а отсюда бѣдность, нищета, появленіе самыхъ гнусныхъ болѣзней; накопецъ, странно вспомнить, кровь мученика—Царя, обогрившая родную землю, убитаго русскою рукою, разѣ не вѣчный историческій укоръ нашему времени? Напрасно-бы намъ стали говорить, что такихъ пзверговъ немного между русскими. Нѣтъ, по количеству и важности преступленій можно судить о состояніи общества; если у насъ нашлись люди, которые рѣшились на такое ужасное преступленіе; то значить они наши для своей адекой дѣятельности хорошую общественную почву. Таково наше общественное состояніе, таково наше время, таковы нравы!

Христіане! принадлежа къ церкви апостольской, благоговѣнно вспоминая нынѣ память св. проповѣдниковъ вѣры, постараемся быть достойными учениками апостольскими. Постараемся побольше ознакомишься съ жизнью, дѣланіями и исаніями нашихъ великихъ наставниковъ для того, чтобы подражать ихъ вѣрѣ и жизни. Нѣкоторые христіане имѣють прекрасный обычай каждый день, а другіе въ воскресный—прочитывать по нѣсколькx изъ св. книгъ. О, если-бы этотъ святой обычай усвоился всеми! Но читая св. книги, будемъ умомъ и сердцемъ усвоивать спасительное ученіе, проводить это ученіе и въ жизнь свою. Тогда мы будемъ дѣйствительными апостольскими учениками и можемъ быть увѣрены, что вмѣстѣ съ Св. Апостолами получимъ *отпущеніе правды*, уготованный Господомъ *возлюбившимъ явленіе Его* и сотворившимъ волю Его (2 Тим. 4, 8). Аминь.

Священникъ Александръ Николаевъ.

ВЫДЕРЖКА ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ

ПО БАЛМЦКИМЪ СТЕПЯМЪ

Астраханской губерніи.

(Продолженіе) (*).

Слѣдую обычаю, принятому въ степяхъ—кочевать лѣтней порою, владѣлецъ и его семейство, вмѣстѣ со ставкою Харахусовскаго улуса, откочевали на урочище *Эрханъ Боро*, отстоящее отъ зимней ставки верстѣ на сто къ сѣверу. Тамъ для него выставлены были бѣлыя хорошия кибитки; а чинов-

(* См. Астрах. Епарх. Вѣдом. № 38, 40, 41, 42 44, 45 и 50, 51 и 52 1880 г. №№ 2, 4, 7, 16 и 22 1881 г.

ники и команда казаковъ помѣщались въ зданіи, построенномъ изъ сырцоваго кирпича.

Во время Великаго поста мы посѣщали зимнія ставки улусовъ отдаленныхъ отъ русскихъ селеній; а лѣтомъ того же года должны были объѣхать всѣ лѣтнія ставки кочевыхъ улусовъ, въ томъ предположеніи, не предстоитъ ли гдѣ-либо исполненія христіанскихъ требъ у чиновниковъ, торговцевъ или казаковъ, служащихъ при ставкахъ? Изъ лѣтней ставки Икицохуровскаго улуса, кочевавшей на урочищѣ *Шаръ-Толгота* (*желто-головая*—такъ называемомъ по тому, что въ низменности, которую наполняютъ свѣтлыя воды съ горъ *Эргени*, образуется неглубокое озеро, въ которомъ растетъ много желтыхъ цвѣтовъ), мы направились на урочище *Эрханъ-Боро*.—Пріѣхавши въ ставку, узнали что князи постигло несчастіе. За нѣсколько дней до нашего пріѣзда, единственный сынъ и наследникъ его *Церенъ-Бадма* померъ. Мы застали еще богослуженія и поминки (*тлюлми*), совершавшіяся по умершемъ. Эта церемонія, по уставу буддійскому, совершается 49 дней. Бывши свидѣтелями восторга, съ какимъ владѣлецъ и его супруга встрѣчали рожденіе сына, становилось понятнымъ, какъ велика была и скорбь родителей о потерѣ сына!

Меня до крайности интересовало это печальное событіе, потому что подобные случаи въ степяхъ—явленіе, выходящее изъ ряда обыденныхъ. Почему я и началъ спрашивать чиновниковъ, а при случаѣ калмыковъ, служащихъ у князя и даже телюнговъ, съ которыми имѣлъ знакомство, отъ чего приключилась болѣзнь, долго-ли хворала малютка, чѣмъ и какъ его лечили, и наконецъ какіе обряды совершались при погребеніи?

О началѣ болѣзни ребенка письмоводитель А. М. С—овъ разсказалъ мнѣ слѣдующее: когда мы жили въ зимней ставкѣ, говорилъ онъ, малютка *Бадма* былъ совершенно здоровъ. Въ немъ замѣтна была смѣшленость; родители любовались его лѣтскими проказами; мать, кормившая грудью ребенка, казалась сіяющею отъ радости! Часто посѣщая домъ владѣльца, прибавилъ чиновникъ, я бралъ малютку на руки; нянчалъ и забавлялся съ нимъ.—Послѣ Пасхи, когда наступило теплое весеннее время, мы начали собираться въ кочевку. Къ назначенному сроку подводы были собраны. Имѣніе владѣльца, текущія дѣла улуснаго правленія, пожитки семейныхъ чиновниковъ, служащихъ при ставкѣ, а также и багажъ казаковъ были уложены на арбы. Князь взялъ съ собою нѣкоторыя вещи, менѣе громоздкія и тяжелыя, большинство же—оставилъ въ зимней ставкѣ. Его примѣру слѣдовали и чиновники, потому что при зданіяхъ въ зимней ставкѣ, всегда остаются два казака и особые караульщики изъ калмыковъ. Двери-же улуснаго правленія и кварталъ оставленныхъ чиновниками заперли замками и запечатали печатью улуснаго правленія. Когда доложили, что все готово, владѣлецъ приказалъ погонщикамъ, чтобы на другой день пораньше арбы съ его имѣніемъ и кух-

нею ѣхали впередъ, потому что верблюды идутъ медленно. Съ его-же транспортомъ должны были отправиться и всѣ арбы, на которыхъ уложены вещи чиновниковъ и дѣла улуснаго правленія.—Караванъ тронулся въ путь на другой день рано утромъ, когда было еще прохладно. Дорожный же тарантасъ для семейства князя, запряженный тройкою лошадей и верховыя осѣдланныя лошади для князя, попечителя улуса, его помощника и слугъ владѣльца остались на нѣкоторое время при зданіяхъ зимней ставки. Часовъ въ восемь утра владѣлецъ пригласилъ къ себѣ въ домъ всѣхъ служащихъ при ставкѣ выпить чаю, закусить и выпить водочки, или, какъ онъ выражался „погладить дорогу“. Чиновники съ ихъ семействами собрались къ нему, напились чаю, выпили, закусили и отправились въ путь часовъ около десяти утра. Семейство владѣльца помѣстилось въ крытомъ дорожномъ тарантасѣ, а семейства чиновниковъ—въ экипажахъ самыхъ разнообразныхъ конструкцій: одни на арбахъ съ импровизованными тентами изъ рогожъ, другіе вмѣсто рогожъ обтнуты кошмами для удобства во время ночлеговъ въ дорогѣ, иные на телѣгахъ съ кибитками на подобіе почтовыхъ съ кошмными занавѣсами спереди и т. под. Экипажи тянулись вереницею одинъ за другимъ. Владѣлецъ, попечитель, помощникъ и другіе чиновники съ мужскою прислугою князя ѣхали верхами на осѣдланныхъ лошадяхъ. Они то обгоняли насъ, то останавливались, давая намъ возможность опередить ихъ, что повторялось нѣсколько разъ. Казалось, что владѣлецъ, увлекая за собою всю кавалькаду, воспоминалъ лѣта молодости, когда молодые калмыки и калмычки, во время кочевокъ, отважно гарируютъ на осѣдланныхъ лошадяхъ, вдали отъ каравана и вьючныхъ верблюдовъ, на которыхъ уложены и кибитки и всѣ пожитки разсыльныхъ служившихъ при ставкѣ!

Часовъ около 12 дня, когда наступили жары, караванъ, вышедшій изъ ставки рано утромъ, остановился въ сторонѣ отъ дороги; верблюдовъ выпрягли и пустили на траву. Наша кавалькада настигла его часу во второмъ дни; и владѣлецъ распорядился устроить два тента для отдыха своего семейства и семействъ чиновниковъ. Подъ каждымъ изъ нихъ разсланы были ковры и переносныя палаты. Прислуга его занята дѣломъ. Одни разводили самовары, готовили чайные приборы; другіе рыли въ землѣ *хууки*—ямы для разведенія огня; третіе собирали сухой *аргасунъ*—скотскій пометъ, чтобы готовить *кэбавъ*—кусочки сырой баранины, переложенные лукомъ, жаренные на желѣзныхъ вертѣлахъ и т. под. Когда мы подъѣхали ближе, радушный хо-

злинъ пригласилъ всѣхъ путниковъ на отдыхъ подъ тенты.—Одинъ назначенъ былъ для мужчинъ, а другой для женщинъ.—Мы вышли изъ экипажей; прислуга начала выносить подушки и раскладывать ихъ на коврахъ.—Въ мужскомъ отдѣленіи стояла въ графинахъ водка, бутылки съ напитками и соленая закуска, на разостланной на палазѣ скатерти; въ женскомъ отдѣленіи кипѣли самовары и готовилась чайная посуда. Мы выпили водочки, поздравляя то съ приваломъ, то съ началомъ кочевки, то желали взаимно другъ другу счастливаго пути; затѣмъ пили чай, кушали кэбавъ, котораго достало на оба отдѣленія. На мѣстѣ привала мы простояли часовъ до пяти.

Между тѣмъ какъ мы весело разговаривали въ своемъ отдѣленіи, малютку *Бадму* вынесли изъ тарантаса и посадили на коверъ около матери. Дитя, окруженное нѣжными попеченіями матери и вниманіемъ женской прислуги, много рѣзвилось, чѣмъ доставляло особенное удовольствіе матери. Его поили чаемъ съ сухарями. Его проказы, вызывавшіе громкій смѣхъ въ женскомъ отдѣленіи, не разъ обращали вниманіе отца и всѣхъ съ нимъ вмѣстѣ пирующихъ.

Часовъ въ пять мы замѣтили, что транспортъ, везшій наши пожитки, тронулся въ путь, потому что верблюды отдохнули и наступило время не очень жаркое. И мы начали собираться, укладывать въ свои экипажи подушки; прислуга же князя начала собирать посуду, ковры, тенты и прочее и все укладывать на телѣги вмѣстѣ съ кухонной посудой. Часовъ около шести мы отправились въ дальнѣйшій путь. Въ дорогѣ малютка, укачиваемый тарантасомъ на рессорахъ, скоро заснулъ, и на немъ появилась сильная испарина. Мать думала, что это слѣдствіе духоты въ крытомъ тарантасѣ, и приказала поднять боковыя кожанья завѣски. Легкій вѣтерокъ сквозилъ чрезъ тарантасъ. Въ это время, а можетъ быть и во время ночлеговъ,—потому что въ степяхъ ночи бываютъ очень прохладныя,—простудили малютку. Онъ занемогъ еще въ дорогѣ. Когда же мы пріѣхали на урочище *Эрханъ-Боро*, болѣзнь его усилилась.

Родители, огорченные болѣзнію сына, обратились къ *зурхачею*, который всегда бываетъ изъ *гэлюнговъ*. Онъ, какъ *астрологъ* по мнѣнію буддистовъ, вѣрно можетъ опредѣлять какъ причины болѣзней, такъ и самый способъ ихъ леченія, на основаніи *зурхачейскихъ книгъ*, которые имѣютъ большое сходство съ нашимъ „Врюсовымъ календаремъ!“—Открытія свои

зуржачен обыкновенно передаютъ лекарямъ (*эмчи*), которые всегда бывають тоже изъ лицъ калмыцкаго духовенства, къ которому кочевники имѣютъ неограниченное довѣріе, какъ къ воплощенному божеству; потому что, по ученію буддистовъ, духовенство составляетъ третью часть *буддійской триады* (*гурбынг-эрдэни*), спасающей людей. *Гурбынг-эрдэни*, по переводу— „три драгоценности“, составляютъ: а) *буржаны* (божество), б) *номз* (священные книги) и в) *элэнгійнз санварз*, а въ просторѣчій *хувьрынкз* (духовенство).

Воспитанный въ духѣ ученія ламантовъ, пріобыкшій изъ дѣтства въ правила, внушаемыя калмыцкимъ духовенствомъ, считать за непремѣнную истину, владѣлецъ пригласилъ изъ *хурула* лекарей—*эмчи*, которые назамедлили литься въ его кибитку. По совѣщаніи съ *зуржачеями*, они приказали поятъ малютку *шулюмомз*—такъ называется густой супъ изъ переваренной баранины безъ соли. У калмыцкихъ лекарей онъ составляетъ универсальное лекарство. Его употребляютъ пациенты во всѣхъ болѣзняхъ, лица всякаго пола и возраста. Если же захворають бѣдняки, которые для пользованія лекарствами должны прикочевывать ближе къ *хурулу*, то ихъ поятъ отваромъ кипиченой воды, прибавляя въ оный немного топленаго бараньяго сала!—Варить *шулюмз*—пачетисто; такъ какъ по калмыцкому уложенію, леченіе и содержаніе бѣдныхъ пациентовъ производится на счетъ тѣхъ *хуруловз*, къ роду которыхъ принадлежитъ заболѣвшій калмыкъ.

Можно себѣ представить много-ли больной, грудной ребенокъ могъ выпить *шулюма*?!—Впрочемъ, если приготовленіе *шулюма* и его назначеніе не принесетъ пользы больному, то оно полезно для лекарей и ихъ прислуги; потому что все вареное мясо,—а его кладутъ въ котель много, такъ что густаго отвару бываетъ не болѣе полведра,—составляетъ достояніе лекарей, которые вмѣстѣ съ другими лицами, пришедшими изъ *хурула*, въ присутствіи больного, преаппетитно пожирають все мясо; при чемъ увѣряють больного, что *йэрликз*—„чертъ“—виновникъ болѣзни, не переноситъ присутствія духовныхъ особъ, убѣждалъ изъ кибитки и не будетъ мучить больного, а потому больной скоро выздоровѣетъ!..

На другой день декари (*эмчи*), осмотрѣвши ребенка, замѣтили, что на груди его начинается показываться золотушный нарывъ въ видѣ небольшого прыща съ опухолью. *Эмчи* сочли его за сибирскую язву, а потому рѣшили было раскалить гвоздь до-красна и прижечь имъ появившуюся опухоль. Мать

больного малютки не согласилась на эту операцию. Мой ребенок не лошадь, говорила она, такъ обыкновенно прижигаютъ *момо* „сибирскую язву“ у лошадей!

Видя неудачу придуманнаго способа леченія, рассказывалъ мнѣ одинъ изъ лицъ, участвовавшихъ въ леченіи, мы вторично обратились къ *зурхачею*, который, справившись съ *зурхачейскими книгами (литэ)*, нашелъ другое средство облегчить страданія и возвратитъ здравіе дитяти. Онъ приказалъ намъ совершить *обрядъ „искупленія“*. Велѣдствіе чего мы отправились въ *хурулэ*, замѣсили круто пшеничное тѣсто, изъ котораго сдѣлали куклу въ ростъ малютки. Куклу съ обычными церемоніями внесли въ главную кибитку, называемую *Бурхани орэ*— „жилище боговъ“— и надъ нею совершили *гурюмэ*— „молитвословіе“— въ которомъ злые духи посѣдившіе больного умаливаются, упрощаются оставитъ больного и вселиться въ чучелку. Чтеніе просительныхъ молитвъ совершается тихо. Потомъ мало по малу тонъ измѣняется. Голосъ *гэлюнговъ*, совершающихъ *гурюмэ*, постепенно повышается и доходитъ до неистоваго крика. Чтеніе молитвъ сопровождается и звуками духовной музыки, которые просто раздражаютъ слухъ!(*). По совершеніи молебствія, *гэлюнги* понесли чучелку изъ тѣста въ кибитку, гдѣ лежалъ больной ребенокъ, производя на пути разныя кривленія и жесты, которыя показывали, что они кого-то прогоняютъ. Чучелу поставили у порога внѣ кибитки. Потомъ одинъ изъ уважаемыхъ *гэлюнговъ* отправился въ казарму казаковъ и просилъ у нихъ ружье заряженное пулею. Казаки зарядили ружье и передали *гэлюнгу*, который пошелъ къ кибиткѣ больного, гдѣ собралась значительная толпа народа. Вошедши въ кибитку, *гэлюнэ* приказалъ народу отойти подальше, а самъ выстрѣлилъ въ куклу, століую около порога. Вѣроятно отъ сильнаго потрясенія воздуха кукла ушла, и *гэлюнги* увѣрили родителей пациента, что они убили смерть ребенка! Это по *уставу Докшинскому* называется *харбуху*, что собственно значитъ: „пускать стрѣлу изъ лука!“— Затѣмъ *гэцюли* положили куклу въ мѣшокъ,

(*) Нынѣшній *лама* калмыцкаго народа, извѣстный между калмыцкимъ духовенствомъ за *лучшаго лекаря* (на что имѣетъ свидѣтельство Медицинскаго Департамента), когда былъ еще *бакшю (бамба)* Богатокуро-Муравьевскаго улуса, говорилъ мнѣ, что по Тибетской медицинѣ всѣхъ болѣзней 404. Изъ нихъ: 101 зависитъ отъ злыхъ духовъ, а потому для врачеванія требуетъ *гурюмэвэ*, т. е. молитвъ; дальше 101 исцѣляется діетю, безъ всякихъ медицинскихъ пособій; 101 имѣетъ нужду въ правильномъ леченіи и уступаютъ только лекарствомъ; и наконецъ 101 признаются неизлѣчимыми.

и волокомъ потащили ее въ степь. Вырыли яму, положили куклу внизъ лицомъ, раздробили ей голову и забросали землей!

Но и послѣ выстрѣла здоровье малютки нисколько не улучшилось; золотушный парывъ замѣтно увеличивался. На другой день хурульные лекари сдѣлали визитъ больному и нашли, что здоровье ребенка не только не улучшилось, а напротивъ возбуждало еще большія опасенія за жизнь его! Это до крайности ихъ удивило!—Они долго разсуждали между собою и наконецъ пришли къ тому убѣжденію, что вѣроятно *гэлмонгъ*, стрѣлявшій изъ ружья, сдѣлалъ промахъ, но попалъ въ куклу!?. Вслѣдствіе чего и утѣшали печалившихся родителей тѣмъ, что степные эскулапы сейчасъ принесутъ такое лекарство, которое окажетъ желаемое дѣйствіе и ребенокъ непременно будетъ здоровъ!.. Затѣмъ всѣ они, въ полномъ составѣ, снова отправились въ *хурульгъ*; сдѣлали такую-же куклу изъ крутаго пшеничнаго тѣста и, съ обычными чтеніями и кривліяніями принесли и поставили ее около порога кибитки больного. Потомъ самъ *эмчи* (лекаръ) вторично пошелъ въ казарму казачьовъ и просилъ у нихъ острую, отпущенную пашку, чтобы отрубить голову куклѣ, и тѣмъ вѣрнѣе поразить смерть вмѣстѣ съ *йэрликами*, вивавшую надъ больнымъ ребенкомъ!.. Но и эта операція потерѣла совершеннѣйшее фіаско. Въ то время, какъ лекаръ ходилъ въ казарму за пашкой, младенецъ *Бадма* померъ.—Принесшіи оружіе *гэлмонгъ* былъ пораженъ скорою смертію дитяти; онъ увѣрялъ огорченную мать, если-бы я пришелъ, говорилъ онъ, нѣсколько раньше и отрубилъ голову куклѣ, то ребенокъ непременно былъ-бы живъ; потому что это было самое дѣйствительное лекарство протаву его болѣзни!..—Вы давно лечите моего сына, возразила мать, обладаете предвѣдніемъ будущаго, какъ увѣряете всѣхъ и cadaго изъ насъ, почему-же вы не употребили этого средства прежде смерти моего сына? Увертливый *гэлмонгъ* и тутъ нашелся что отвѣчать! Потому, сказала онъ ей, и нельзя было скоро открыть вѣрное лекарство, что русскій чиновникъ часто бралъ вашего дитя на руки и нянчалъ его, когда малютка еще былъ здоровъ!.. Вотъ какое замѣшательство въ умахъ *зурхачеевъ* и калмыцкихъ *лекарей* производить одно прикосновеніе русскаго человѣка къ кочевнику! Оно дѣлаетъ его какъ-бы *тэнгеріемъ* — „духомъ“, —стоящимъ выше пониманія человѣческаго!.. Услыша такой отвѣтъ и видя наглій обманъ со стороны лицъ, пользовавшихся ее ребенка, мать умершаго дитяти просила всѣхъ *гэлмонговъ* оставить ея кибитку!—Подобное обращеніе съ *гэлмонгами*

можно извинить только исключительнымъ положеніемъ матери, огорченной потерей сына. Въ другое-же болѣе благоприятное время, такое неуваженіе къ духовенству составило-бы величайшій грѣхъ, за который лицо, оскорбившее *эялонговъ*, должно понести жестокое наказаніе въ 18 отдѣленіи ада, называемомъ *Виритъ!* (Смотр. Астр. Епарх. Вѣдом. за 1879 годъ № 19, страница 302, примѣчаніе 2).(*)

Умершаго малютку не обмывали, говорилъ мнѣ одинъ изъ служащихъ при князѣ калмыковъ, но одѣли его въ самую лучшую одежду; надѣли шольвовую сорочку, башметикъ, обшитый узкимъ позументомъ, и черные полубархатные панталоны. Ноги обули въ красные сафьянные сапожки. Голову вмѣстѣ съ лицомъ обтянули *хадакомъ* (небольшой кусокъ красного фуллра) и, на той-же кровати, на которой онъ померъ, положили его на правый бокъ. Правую ручку положили подъ голову, а лѣвую—протянули внизъ по туловищу. Правую ногу вытянули, а лѣвую нѣсколько согнули. Это, по объясненію *эялонговъ* называется *аршалангуиэ кэптэллэ* „львиное ложаніе“—иначе львиная поза, которая служитъ залогомъ того, что перерожденіе души

(*) Какъ примѣръ высокаго уваженія, которое кочевники питаютъ къ духовенству, не лишнимъ считаю рассказать случай, бывшій въ Астрахани. Въ началѣ сороковыхъ годовъ Астраханской губерніею управлялъ *военный губернаторъ*. Въ то время начальствующимъ лицъ въ городѣ было гораздо болѣе, нежели нынѣ. Сверхъ полнаго штата гражданскихъ чиновъ, были: комендантъ крѣпости, плацъ-маіоръ при ординарѣ-гаузѣ, адмиралъ 46 флотскаго экипажа, атаманъ Астраханскаго казачьяго войска, начальникъ отдѣленія кантонистовъ, начальникъ артиллеріи—съ командою артиллеристовъ. Баталіонъ назывался Кавказскимъ линейнымъ № 26, и т. под. Въ высокаторжественные дни, сверхъ церковныхъ парадовъ, въ которыхъ участвовали войска разныхъ наименованій: и матрозы 46 флотскаго экипажа, и баталіонные солдаты, и казаки, и жандармы, и кантонисты,—по окончаніи молебна, въ крѣпости, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ построены домъ для соборной братіи, изъ двухъ орудій производился 101 пушечный выстрѣлъ!

Въ одинъ изъ высокаторжественныхъ дней Астраханскій военный губернаторъ генералъ-маіоръ И. С. Т.—съв устроилъ officialный обѣдъ, на который, въ числѣ прочихъ начальствующихъ лицъ, приглашенъ былъ и лама калмыцкаго народа Г. Г., который ни слова не зналъ по-русски. Въ урочный часъ онъ явился на обѣдъ съ переводчикомъ изъ калмыковъ. Когда гости заняли свои мѣста по росписанію, ламѣ калмыцкаго народа пришлось сидѣть не очень далеко отъ военнаго губернатора; переводчикъ стоялъ позади стула ламы. Въ половинѣ обѣда ламѣ случилось рыгнуть „во всеуслышаніе“. А надобно замѣтить, по степнымъ обычаямъ это дѣло не только не считается предосудительнымъ, но похвальнымъ; потому что, какъ говорятъ ихъ медики, это показывается, что лица, принята гостемъ, служитъ на пользу принятому, процессъ пищеваренія совершается правильно. Вслѣдствіе чего, кочевники во время трапезы или послѣ оной, всегда рыгаютъ и громко и преоригинально. Не всякій русскій человѣкъ сумѣетъ произвести такіе горланые звуки, какіе издаетъ калмыкъ при отрыжкѣ!.. Отрыжка ламы огласила залу такими звуками, которые не приняты въ цивилизованныхъ обществахъ! Вслѣдствіе чего военный губернаторъ довольно ясно произнесъ слово: „шеѣжа!“ Слово это долетѣло до слуха ламы.—Онъ обратился къ переводчику и спросилъ его: *йо-эяэ*—„что говорить?“ Переводчикъ зная, что слово, произнесенное губернаторомъ, обидно для духовной особы и нежелая за такую дерзость попасть въ отдѣленіе *Виритъ*, перевелъ, что будто-бы губернаторъ желаетъ ламѣ „добраго здоровья!“—Принявши такой переводъ на чистую монету, не понимая своего неловкаго положенія, лама съ улыбкою самодовольствія обратился къ губернатору, и легкимъ наклоненіемъ головы благодарилъ его за такую „добротность!“ Эта курьезная сцена вызвала невольную улыбку на лицахъ всѣхъ свидѣвшихъ за столомъ!

малютки будетъ счастливое, достойное званія „царя звѣрей!“ Всю эту операцію производили родственницы кнѣгини и ея женская прислуга. Уложивши покойника какъ слѣдуетъ, по уставу ламаитовъ зажгли предъ *бурханами* (изъ которыхъ отливные стояли на столѣ, а рисованные были развѣшаны по теремамъ къ сѣверу) *зулы*, т. е. металлическія плошечки, налитыя коровинымъ масломъ и покурили *кюджи* „тибетскія курительныя свѣчи, приготовляемыя изъ можжевельника, роснаго ладана и другихъ веществъ. Послѣ чего началось чтеніе *нома*, т. е. священной книги, содержаніе которой *э-монгъ* объяснилъ мнѣ такъ, что будто-бы въ ней умоляютъ *Сакуусунгъ тэнгри*— „духа хранителя“, чтобы онъ отнялъ у черта похищенную душу ребенка(*) и способствовалъ бы ея перерожденію въ благородное животное, или *тэнгрил*.. На вопросъ мой: какое же наименованіе имѣетъ та книга, которую читаютъ по умершемъ?—отвѣчалъ: *Дорджи-Джодба*.

(Продолженіе будетъ).

Протоіерей Пармень Смирновъ.

(*) Вотъ на этомъ-то вѣрованіи основанъ ламаискій обрядъ, извѣстный подъ названіемъ: „*привытъ души*“. Онъ всегда совершается *эмонгами* за особую договоренную плату деньгами или опредѣленнымъ числомъ головъ скота въ *хурул* и совершителю обряда. Въ минуты „трудные *эмонгъ-эчи*—(декарь) увѣряетъ родственниковъ больного, что пациентъ его умеръ!.. Если они замѣчаютъ въ немъ дыханіе, то это паръ; души-же въ немъ уже нѣтъ; онъ ничего не понимаетъ!—Когда я шелъ сюда, прибавляетъ *эмонгъ*, видѣлъ, какъ чертъ велъ душу больного.—И это случилось не потому, чтобы очередь была за нимъ, но чертъ посланный *Ирлекъ-жаномъ* (сатаномъ) въ дальнее мѣсто, похвѣлся идти туда, куда слѣдовало, а по дорогѣ захватилъ другую душу, лишь-бы исполнить возложенное на него порученіе!—Если угодно; повторятъ онъ родственникамъ больного, ее можно возвратитъ?—Родные безусловно вѣрятъ этимъ бреднямъ и, условившись въ цѣли, назначенной *эмонгомъ*, просятъ его возвратитъ душу! Получивши согласіе на свое предложеніе, декарь сначала читаетъ заклинательныя молитвы (*таарни*) въ кибиткѣ около больного, въ предурожденіе посѣщенія оной другими чертми; и потомъ выходитъ изъ кибитки къ сѣверной сторонѣ, начинается читать молитвы, призывающія душу возвратиться! Во время чтенія неоднократно повторяются слова: *ирэ, ирэ, ирэ*, „приди, приди, приди!“ Въ промежуткахъ чтенія, заклинатель дѣлаетъ вопросъ близъ стоящимъ родственникамъ: *ирбэйю?*— „пришла-ли!“ Тѣ должны въ одинъ голосъ отвѣчать: *ирбэй, ирбэй, ирбэй!* „пришла, пришла, пришла!“—Если послѣ этихъ молитвъ и обрядовъ больному слѣдается легче, то *эчи* и *хурул* получаютъ обещанное. Если-же больной умереть, то и на это у хитраго *эмонга* отъѣтъ готовъ!—Онъ увѣряетъ родственниковъ, что видѣлъ, какъ душашла обратно, да союба перебѣжала ей дорогу!—Или: больной потому умереть, что душа, покинутая чертомъ, не согласилась воротиться въ немощное тѣло больного, надѣясь получить лучшее перерожденіе!—Или-же: больной потому умереть, что вы пожалѣли о деньгахъ, или животныихъ, которыхъ обѣщали отдать въ хурулъ и мнѣ. И потому, чтобы взглянуть послѣдній грувъ, вы должны отдать обещанное въ хурулъ, какъ жертву умилостивительную!—И все это безпрекословно исполняется кочевниками!

СОДЕРЖАНІЕ. Отдѣлъ официальный: 1) Разныя извѣстія. 2) Разрядный списокъ воспитанникамъ Астрах. епарх. жен. училища. 3) Отъ Совѣта Астр. епарх. жен. училищъ. 4) Отъ комитета по Астрах. епарх. дому призрѣнія. **Отдѣлъ неофициальный:** 1) Слово въ день св. ап. Петра и Павла. 2) Видѣржы изъ путевныхъ записокъ по калмыцкимъ степямъ Астраханскій губерніи (продолженіе).

Редакторъ Я. Лебединскій.

Дозволено цензурой. Астрахань 3 іюля 1881 г.

Губернская Типографія.